

лин и Вэйзи предлагают исследователям попытаться найти связи между широкими культурными темами, как в работе «Привычки сердца», и мезоуровнем социального порядка, где моральные столкновения происходят в отдельных сферах общества – религии, семье и экономике. Важно также исследовать и обратное: как изменения в отдельных институциональных порядках могут отразиться на общем моральном и культурном процессе. Это позволит рассматривать динамику моральных культур, не конструируя их в качестве связанных систем, как это было в структурном функционализме [с. 63–64].

В заключение авторы излагают собственное видение новой социологии морали. Новая социология морали вовсе не обязательно должна четко фиксировать свои дисциплинарные границы. Исследователи теперь могут быть связаны нестрогой областью исследования, которая ищет изменения в моральных смыслах, связывает их развитие с социальными процессами и выделяет тот потенциал моральных смыслов, который может оказать влияние на поведение. В таком варианте ученые будут работать как свободная сеть исследователей во множестве исследовательских сфер, что создаст благоприятные условия для широкого распространения идей социологии морали и обмена знаниями между представителями разных дисциплин [с. 64].

*А.А. Бызов,
О.А. Симонова*

2014.03.011. МЕЛОНИ М. МОРАЛИЗАЦИЯ БИОЛОГИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ БЛАГОСТНОГО ВЗГЛЯДА НА ПРИРОДУ¹.

MELONY M. Moralizing biology: The appeal and limits of the new compassionate view of nature // History of the human sciences. – L., 2013. – Vol. 26, N 3. – P. 82–106.

Ключевые слова: моральный мозг; альтруизм; природное и моральное; нейроисследования морали.

В статье Маурицио Мелони (Школа социологии и социальной политики Ноттингемского университета, Великобритания) обсуждаются новейшие концепции морали и ее генезиса в рамках

¹ Реферат подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00381.

«наук о жизни», к разряду которых автор причисляет и корпус биологических знаний. Начало XXI столетия, пишет Мелони, ознаменовалось бурным развитием мультидисциплинарных исследований просоциальных форм поведения (кооперация, эмпатия, взаимопомощь, альтруизм, филантропия, солидарность) и радикальным пересмотром прежних представлений о мире природного как антипода и антитезы социального и морального измерений реальности. Естествоиспытатели, психологи и социальные аналитики все чаще обращаются к «светлой стороне биологии», оставляя за скобками идею войны всех против всех, которая постепенно уступает место совершенно новым принципам осмысления природного, во-первых, и его отношений с моральным, во-вторых. Сегодня модным (если не доминирующим) становится «благостный» взгляд на природу, предполагающий отказ от традиционной ее трактовки как арены борьбы, себялюбия и агрессии – в пользу концепций врожденной социальности и моральности, присущих эволюционирующей человеческой натуре [с. 82–83].

Вместе с тем, продолжает автор, было бы неверно расценивать нынешний ультрасоциальный тренд «наук о жизни» как окончательный разрыв с догматами социобиологии 1970-х годов. Скорее, следует говорить о постоянном расширении концептуального диапазона биологического знания, что позволяет включить в сферу его компетенции явления морального порядка. Социобиология с ее принципами индивидуализма и эгоизма как единственными биологически достоверными основаниями человеческого поведения и попытками объяснить феномен альтруизма, минуя его моральный аспект (в терминах реципрокности и родственного отбора), стала отправным пунктом современных моделей кооперации, солидарности и взаимопомощи в рамках биологии морали и нейроисследований. Интеллектуальным фундаментом нового толкования отношений природного и морального явились «технические инновации в области эволюционной теории», реализованные в ряде эмпирических мультидисциплинарных исследований [с. 84]. К числу таких инноваций (т.е. новых методов и способов изучения просоциальных актов и ситуаций) Мелони в первую очередь относит разработку математических моделей кооперативного поведения и приложение теории игр к моделированию моральных действий. В результате кооперация получила статус третьего фундаменталь-

ного принципа эволюции наряду с мутацией и естественным отбором¹. Другой предпосылкой новой парадигмы стало возвращение в эволюционную теорию идеи группового отбора, от которой отказались исследователи в конце 1960-х годов и которая сегодня приобрела новое звучание в качестве атрибута культурных контекстов. Групповой отбор, непрямая (опосредованная) взаимность и взаимность сетевая, вкупе с ключевыми социобиологическими принципами родственного отбора и прямой реципрокности, составляют сегодня пять базовых эволюционных механизмов социальной кооперации². Эмпирический экономический анализ ее уровней обнаружил гораздо более насыщенную палитру оттенков альтруизма, чем предполагалось ранее, что также послужило толчком к отказу от прежней идеи наследственной (генной) обусловленности моральных актов³. Наконец, свою лепту в расширение диапазона природного в его отношениях с моральным внесли исследования медицинского характера, выявившие позитивное воздействие благотворительности и филантропии на ментальное здоровье их субъектов⁴.

Обобщая итоги разноплановой эмпирической работы, касающейся связей природного и морального, Мелони подчеркивает, что «социобиологический проект *биологизации морального*, некогда провозглашенный Э. Уилсоном («Пора биологизировать этику, изъяв ее на время из сферы компетенции философов»⁵), сегодня превращается в процесс *морализации биологии*» [с. 85]. Биология XXI в., избавившаяся от суровых оценок несовершенства человеческой природы, становится средоточием любых исследований, так или иначе касающихся генезиса моральных явлений. Как свидетельствует история науки, эволюционная теория постоянно колебалась в выборе тональности интерпретации морального, отдавая предпочтение то утилитарной, то романтической его трактовке.

¹ Axelrod R. The evolution of cooperation. – N.Y.: Basic books, 1984.

² Nowak M.A. Five rules for the evolution of cooperation // Science. – N.Y., 2006. – Vol. 314, N 5805. – P. 1560–1563.

³ Fehr E., Fischbacher U. The nature of human altruism // Nature. – L., 2003. – Vol. 425, N 6960. – P. 785–791.

⁴ Lozada M., D'Adamo P., Fuentes M.A. Beneficial effects of human altruism // J. of theoretical biology. – Amsterdam, 2011. – Vol. 289. – P. 12–16.

⁵ Wilson E.O. Sociobiology: The new synthesis. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1975.

Однако именно последняя находится в центре внимания современной биологии морали, уверен Мелони. Характерной особенностью интеллектуального сдвига в осмыслении природного и морального он считает лексикон философского нативизма, которым отмечены современные попытки «благостной реконструкции» человеческой природы как прирожденно моральной, т.е. склонной к совершению вполне определенных поведенческих действий и избеганию других. С позиции нативизма, эволюция некогда наградила человеческую природу определенным типом моральной психологии, который при определенных условиях способствует моральному мышлению и просоциальным поступкам. С учетом сказанного, задачи настоящей статьи состоят в следующем. Во-первых, это краткий очерк наиболее влиятельных теорий в русле эволюционной биологии и нейроисследований морали последнего десятилетия; во-вторых – анализ амбивалентного статуса этих теорий, обладающих мощным эвристическим потенциалом и крайне уязвимой эпистемологической базой, констатирует автор.

В ряду авторитетных теоретических построений, в рамках которых получает обоснование популярный сегодня принцип «двустороннего обмена» между природным и моральным, Мелони выделяет интуитивистскую психологию морали Джонатана Хайдта, приматологию Франса де Ваала и концепцию морального мозга в нескольких ее вариантах.

Дж. Хайдт отказался от идеи рационального обоснования нравственно окрашенного поведения в терминах психологии морали прошлого века, предложив взамен социально-интуитивистскую модель ее генезиса¹. Вместо социализации и социокультурной интериоризации моральных норм он сделал акцент на ключевой роли морального опыта – как следствия автоматических телесных процессов, имеющих яркую чувственно-эмоциональную окраску (отвращение / восторг и т.п.). Главным механизмом генерирования моральных оценок и действий оказались интуиция и сопровождающие ее чувственные переживания. Эту идею Хайдт кратко сформулировал в названии своей знаменитой статьи об «эмоцио-

¹ Haidt J. The new synthesis in moral psychology // Science. – N.Y., 2007. – Vol. 316, N 5827. – P. 998–1002.

нальной собаке, которая виляет рациональным хвостом»¹. В данной метафоре заключена идея эволюционного первенства моральной интуиции и спонтанных эмоциональных реакций по отношению к рациональным моральным оценкам, суждениям и действиям. Иначе говоря, пишет Мелони, интуитивистская психология морали настаивает на ключевых функциях внерациональных интуитивно-эмоциональных импульсов по отношению к рационализации социокультурных этических норм. Человек совершает морально значимый поступок или дает моральную оценку ситуации, руководствуясь своего рода внутренним чувством («нутряным чутьем»), и только потом выстраивает логическую цепочку аргументов в защиту своей позиции. Именно на этом этапе *post factum* приобретают значение и вес культурные нормы и социальный контекст, в пространстве которых осуществляется рационализация интуитивных моральных актов. Следовательно, согласно интуитивистской концепции морали, рациональное оправдание (обоснование) морально окрашенных действий и суждений – это просто подведение социокультурного фундамента под тот опыт, который уже содержится в чувственно-интуитивном переживании происходящего как правильного / неправильного, приемлемого / неприемлемого и т.п. Интуитивизм Хайдта, резюмирует свои рассуждения Мелони, служит новейшим аргументом в защиту социобиологической позиции образца 1970-х годов. Если моральные акты не являются следствием сложных абстрактных умозаключений, то имеются все основания проследить их предысторию в поведении животных и в самых архаичных структурах головного мозга, которые остались теми же, что и 500 млн лет назад. Таким образом, следуя Хайдту, мораль должна исчезнуть с орбиты философии и переместиться в исследовательское поле приматологии и нейронауки.

Концепция моральной эволюции Ф. де Вааля послужила импульсом для переосмысления связей природного и морального под углом зрения их «двунаправленного движения», продолжает автор статьи². Наблюдая за проявлениями агрессии у приматов (длиннохвостых макаков), де Вааль обнаружил присутствие в их сообществах

¹ Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological rev.* – Wash., 2001. – Vol. 108, N 4. – P. 814–834.

² *Primates and philosophers: How morality evolved* / Ed. by F. de Waal, S. Macedo, J. Ober. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 2006.

устойчивых эмоционально окрашенных паттернов примирения (объятия, поцелуи и т.п.), которые следовали за эпизодами конфликтов и борьбы. Опираясь на идеи Дарвина, трактовавшего моральный инстинкт как имеющий эволюционное продолжение в социальных инстинктах и эмоциях человека, он выступил с критикой изображения культуры в виде наносного поверхностного слоя, маскирующего эгоистичную и жестокую человеческую натуру. Многолетние наблюдения за приматами – ближайшими эволюционными родственниками вида *Homo sapiens*, позволили исследователю выстроить «моральную башню», в основание которой, в качестве ее строительных блоков, он поместил просоциальные диспозиции и поведенческие паттерны человекообразных обезьян. Описанные в литературе и хорошо известные специалистам психологические и эмоциональные механизмы, участвующие в групповой жизни приматов (способность к эмпатии, кооперация, реципрокность, взаимность, групповая солидарность и даже «чувство справедливости»), он рассматривал в качестве эволюционных предпосылок подлинно человеческой морали. Опять-таки, следуя традиции дарвинизма, де Вааль утверждал, что культура – это не творец, а преобразователь тех биопсихологических структур, которые образуют подножие эволюционной моральной башни и являются общими для людей и животных. Аргументы де Вааля в защиту эволюционной укорененности моральных явлений в природном мире Мелони расценивает как недвусмысленное утверждение обобщности их отношений, поскольку в рамках этой концепции претерпевает изменение и толкование природы (человеческой натуры), оказавшейся не чем иным, как первоисточником просоциальных форм поведения.

Третье теоретическое течение, подготовившее переосмысление морали в терминах биологии, связано с развитием нейронауки – новейшего корпуса исследований головного мозга в качестве сложноструктурированной сетевой системы, составляющие которой так или иначе участвуют в генерировании процессов морального порядка (суждения, эмоции, оценки). Нейронаука о морали, которая является ровесницей XXI в., объединяет идеи когнитивизма, социальной психологии, эволюционной биологии и антропологии, т.е. представляет собой совокупность исследовательских областей,

насчитывающую как минимум шесть различных направлений¹. Концептуальными положениями, объединяющими эти направления и релевантными процессу биологизации морали, Мелони считает «ратификацию интуитивизма» и «реанимацию морального чувства» [с. 90]. В первом случае имеется в виду экспериментальная верификация идеи Дж. Хайдта об эмоционально нагруженных автоматических реакциях как ядре морального опыта. Центральной фигурой здесь выступает Джошуа Грин – один из пионеров экспериментального нейроанализа моральных процессов². В теоретическом плане Грин является поклонником «дуальной модели», где эмоциональная и когнитивная области головного мозга связаны отношениями состязательности (а не соподчинения) применительно к продуцированию моральных суждений. Однако его эмпирическая работа способствовала переключению внимания нейроисследователей морали с высших когнитивных функций мозга на более архаичные эмоциональные механизмы, участвующие в генерировании морального, подчеркивает Мелони. И хотя Грин неоднократно повторял, что «нейронная данность не тождественна моральному долженствованию», его последователи единодушно демонстрируют возможность воздействия на моральные акты путем манипуляций с эмоциональными процессами. Тем самым первостепенная роль автоматических аффективных реакций в выработке моральных суждений получает эмпирическое доказательство. Независимо от желания основоположников нейронауки о морали, пишет автор статьи, в данном исследовательском поле «эмоциональные реакции все чаще расцениваются в качестве самого надежного ориентира в сфере морального». В конечном счете природа (человеческая натура) «из пассивного реципиента по преимуществу рациональной моральной рефлексии, опирающейся на культуру, социализацию и научение, превращается во всесильного актора, наделяющего людей вполне определенными склонностями морального толка» [с. 91].

¹ См.: Moll J., de Oliveira-Souza R., Zahn R. The neural basis of moral cognition: Sentiments, concepts and values // *Annals of the New York Academy of sciences*. – Hoboken (NJ), 2008. – Vol. 1124. – P. 161–180.

² Green J. From neural «is» to moral «ought»: What are the moral implications of neuroscientific moral psychology? // *Nature reviews: Neuroscience*. – L., 2003. – Vol. 4, N 10. – P. 847–850.

Еще более очевидные формы ренессанс философского нативизма принимает в работах нейроаналитиков морали, апеллирующих к категории «моральное чувство», которая была популярна в шотландской школе «здорового смысла» XVIII в.¹ В духе шотландского Просвещения современные апологеты морального чувства рассматривают его как механизм, посредством которого повседневные события помечаются моральными ярлыками. Моральная чувствительность в терминологии нейроаналитиков морали – это сложно организованная интеграция когнитивных, эмоциональных и мотивационных механизмов, которая способствует «моментальному схватыванию моральных следствий социальной ситуации» [с. 91]; более того, врожденное моральное чувство оказывается предпосылкой этически окрашенной рефлексии, к которой человеческий мозг предрасположен точно так же, как к различению базовой цветовой палитры. В более категоричном теоретическом варианте врожденная моральная чувствительность выступает в виде автоматического сопряжения повседневного опыта с теми или иными моральными понятиями, так что характеристику этического получает уже сам головной мозг². В такой интерпретации речь идет уже об «универсальном наборе биологических реакций на моральные дилеммы, или о своеобразной этике, встроенной в систему мозга» [с. 92]. В итоге мозг становится общезначимым моральным компасом, способным оказывать позитивное влияние на повседневные решения и поступки человека. В своей крайней форме синтез нативизма и сентиментализма оборачивается идеей «универсальной моральной грамматики» – бессознательного механизма, позволяющего людям оценивать бесчисленные варианты действий и суждений в терминах позволительного, должного или запрещенного, констатирует Мелони.

Заключительная часть статьи содержит анализ плюсов и минусов новейшего интеллектуального поворота в осмыслении при-

¹ The neural correlates of moral sensitivity: A functional magnetic resonance imaging investigation of basic and moral emotions / Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P.J., Bramati I.E., Mourão-Miranda J., Andreiuolo P.A., Pessoa L. // *J. of neuroscience*. – Wash., 2002. – Vol. 22, N 7. – P. 2730–2736; Changeux J.P., Ricoeur P. What makes us think? A neuroscientist and a philosopher argue about ethics, human nature and the brain. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 2000.

² Gazzaniga M.S. The ethical brain. – N.Y.: Dana press, 2005.

родного и морального, благодаря которому моральные феномены оказались в эмоциональном эпицентре человеческой натуры [с. 92] Несмотря на декларируемый нейтралитет в отношении нейроисследований и биологии морали, Мелони настроен скорее критически, нежели апологетически. С его точки зрения, новейший вариант *морализации биологии* на самом деле демонстрирует лишь формальный, но не эпистемологический разрыв с догматами социобиологии прошлого века. К содержательным преимуществам нового взгляда на генезис морали он относит:

а) возможность более широкого и разностороннего толкования альтруизма, который более не связывают с принципом генной обусловленности, но рассматривают в качестве аспекта биологических и социальных фактов;

б) расширение диапазона морального за пределы его рациональных предпосылок и обоснований благодаря включению в исследовательское поле моральных явлений аффективных и интуитивных механизмов их генезиса;

в) конкретизацию процессов генерирования моральных суждений и оценок вследствие разносторонней эмпирической и экспериментальной работы, связанной с эмоциональными параметрами морального.

Перечисленные позитивные моменты современных программ изучения природного и морального тем не менее не могут компенсировать несостоятельности их эпистемологических посылок, которые, как считает автор, представляют собой «всего лишь перестановку слов в социобиологическом словаре образца 1970-х годов» [с. 93]. Главным недостатком психологии морали Хайдта, приматологии де Ваала и нативистских версий нейроисследований морали Мелони считает статичность представлений о биологических механизмах и характеристиках, связанных с ее генезисом (врожденность, наследственность, генный детерминизм), которые идут вразрез с динамическими тенденциями новейшего корпуса биологических знаний и «наук о жизни» в целом. Применительно к понятию «врожденность» возражения вызывают хаотичность организации тех характеристик и диспозиций, которые противопоставляются приобретаемому в опыте, равно как и принцип жесткой дихотомии врожденного и приобретенного. Не согласуется с современной молекулярной биологией и реанимация гена как же-

ство обусловленной наследственной данности. Сегодня ученые оперируют понятием контекстуальной встроенности генов – их воплощенности в тех или иных ситуативных обстоятельствах (клеточных, биохимических и даже социальных). Новое понимание гена как «участника интерактивных процессов» расширяет представление о механизмах наследственности. Сегодня ген – это «скорее катализатор, чем код», «последователь, но не лидер», который формируется в интерактивной среде, а не в ходе заранее заданного процесса развития [с. 95]. Наконец, современная биология развития отказывается от линейных трактовок эволюции, поэтому рассуждения об отправных пунктах, основаниях, строительных блоках и т.п. утрачивают смысл.

Характерной особенностью современной морализации биологии, противопоставляющей мир природного сфере культурного, Мелони считает апелляцию к природе как к единственному оплоту, фундаменту или «гавани», гарантирующей нравственное возрождение человечества и коррекцию социальных патологий. Морализирующий тренд современной биологии еще ждет своего философского и социологического осмысления, пишет в заключение автор.

Е.В. Якимова

2014.03.012. ЯНОФФ-БУЛМАН Р., КАРНЕС Н. ОБОЗРЕВАЯ МОРАЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ: ПРАВСТВЕННЫЕ МОТИВЫ И ГРУППООРИЕНТИРОВАННЫЕ ЭТИКИ¹.

JANOFF-BULMAN R., CARNES N. Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // Personality a. social psychology rev. – Mahwah (NJ), 2013. – Vol. 17, N 3. – P. 219–236.

Ключевые слова: моральные мотивы; социальный порядок; социальная справедливость; либерализм; консерватизм.

В статье профессора Университета Массачусетса (США) Ронни Янофф-Булман и ее студента Нэйта Карнеса представлена новая шестикомпонентная *модель моральных мотивов* (МММ), фокусирующая внимание на фундаментальных различиях мотивации индивидуального поведения и сфер моральной регуляции. Ав-

¹ Реферат подготовлен при поддержке РФФИ (проект № 14-06-00381 а); при поддержке ЦФИ НИУ-ВШЭ 54.0.